

087-1

Г887

ВАСИЛИЙ ГРОССМАН

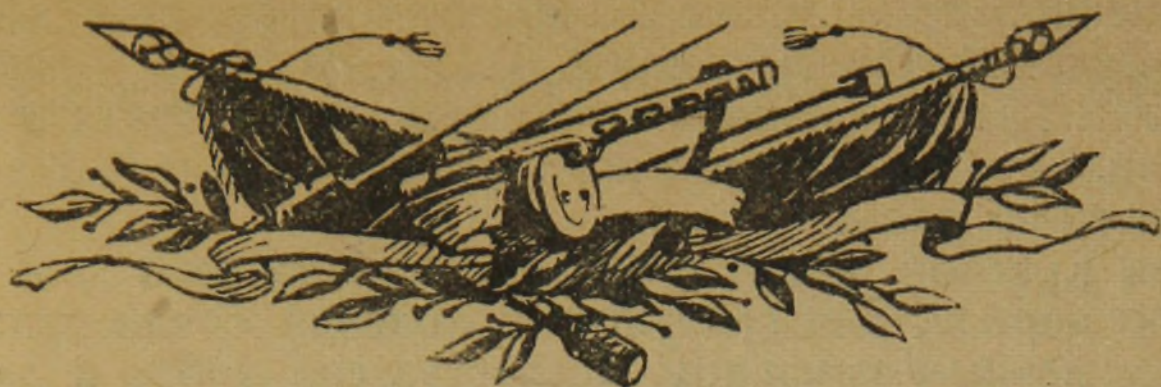
Оборона Сталинграда

ДЕТГИЗ

1944

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книжке собраны очерки, написанные на Сталинградском фронте. В них рассказано о самых тяжелых днях, пережитых защитниками города в сентябре, октябре и ноябре 1942 года.

Два последних очерка — «Новый день» и «Сталинградское войско» — написаны в декабре, когда немецкие войска были окружены нашими армиями в районе Сталинграда. Тогда немцы уже не думали о том, чтобы захватить город, а мечтали лишь вырваться из него и бежать на запад. Но им не удалось прорвать железное кольцо наших войск. Красная армия, разгромив группировку немцев, продолжала победоносно развивать наступление.

Некоторых героев этих очерков уже нет в живых.

Так, смертью храбрых пал генерал Гуртьев, защищавший со своей дивизией сталинградский завод «Баррикады». Он погиб при взятии Орла.

Великие труды всех героев Сталинградской битвы, были ли они рядовыми красноармейцами или знаменитыми, известными всему миру генералами, не прошли даром. Советский народ вечно будет благодарен им за их безграничное мужество, за кровь, пролитую ими ради счастья и свободы нашей Родины.

Молодой читатель, конечно, слышал и знает, какое огромное значение в ходе войны играла битва за Сталинград.

Если бы немцам удалось его захватить, они пошли бы вверх по Волге, чтобы отрезать уральские военные заводы от Москвы и создать страшную угрозу для нашей столицы.

Сталинградское сражение явилось поворотной точкой всей Великой Отечественной войны. В этом сражении хрустнул хребет фашистского зверя, он надорвал в этом сражении свои силы, получил глубокие кровоточащие, незаживающие раны.

Для Красной армии в битвах сегодняшнего дня, для нашего народа, для грядущих поколений Сталинград останется вечным символом торжества сил добра и разума над силами мрака.

Сталинград недаром носит имя СТАЛИНА, великого вождя, организатора и вдохновителя сталинградской победы.

Сталинград станет живым и вечным примером для юношества всех народов:

тот, кто беззаветно верит в добро и справедливость, кто любит свободу больше жизни, тот победит в самой тяжелой борьбе.

Василий Гроссман

Москва

18 февраля 1944 г.

ВОЛГА — СТАЛИНГРАД

Долог путь от Москвы до Сталинграда. Наша машина шла фронтовыми дорогами, мимо прелестных рек и зеленых городов. Мы ехали пыльными проселками, укатанными грейдерами, ехали яркими синими полднями в горячей пыли; и на рассвете, когда первые лучи солнца освещают пышно налившуюся краской рябину; ехали ночью — и луна и звезды блестели в тихих водах Красивой Мечи, золотой рябью плыли по молодому, быстрому Дону.

Мы проехали через Ясную Поляну. Пчелы ползали по цветам, выросшим на тихом могильном холме, и маленькие осы неподвижно висели над могилой Толстого, словно прикрывая ее с воздуха. Вокруг яснополянского дома пышно разрослись цветы, через открытые окна в комнаты входило солнце, и свежавыбеленные стены сияли. Лишь плешины на земле возле могилы, где немцы закопали восемьдесят убитых, да черные следы пожара на дощатом полу дома напоминали о вторжении немцев в Ясную Поляну. Дом отстроен, снова цветут цветы, снова торжественна своей великой простотой могила; тела вражеских солдат отвезены от нее и похоронены в огромных воронках от тяжелых немецких фугасок, упавших на яснополянскую землю. И места эти поросли сырой болотной травой.

А мы едем все дальше по прекрасной земле, охваченной тревогой войны.

Длинна дорога к Сталинграду. Вот уже другое время — часы здесь на час вперед. Вот и другие птицы —

большеголовые коршуны на толстых мохнатых лапах неподвижно укрепились на телеграфных столбах; по вечерам серые совы тяжело, неловко летают над дорогой. Злей стало дневное солнце. Ужи переползают дорогу. И степь уж другая — пышное многотравие ее исчезло. Степь коричневая, жаркая; она поросла пыльным бурьяном и полынью, тощим, жалким ковылем, льнущим к потрескавшейся земле. Волы тащат телеги; вот и двугорбый верблюд стоит среди степи. Все ближе Волга. Физически ощущается огромность захваченного врагом пространства, страшное чувство тревоги давит на сердце, мешает дышать. Эта война на юге, война на Нижней Волге, это ощущение вражеского ножа, зашедшего глубоко в тело, эти верблюды и плоская выжженная степь, говорящие о близости пустыни, вызывают чувство тревоги.

Отступить дальше нельзя. Каждый шаг назад — большая и, может быть, непоправимая беда. Этим чувством проникнуто население приволжских деревень, это чувство живет в армиях, защищающих Волгу и Сталинград...

Ранним утром мы увидели Волгу. Река русской свободы глядела сурово и печально в этот холодный и ветреный час. Низко неслись темные облака, но воздух был ясен, и на много верст был виден белый обрывистый правый берег и песчаные степи Заволжья. Светлая волжская вода широко и свободно шла меж огромных земель, точно могучий металл, сливший воедино правобережье и Заволжье. У высокого берега вода бурлила, вертела арбузные корки, точила осыпающийся песчаник; волна вздыхала, колебля бакал.

К полудню ветер разогнал облака, сразу стало жарко, и Волга засияла под высоко и круто поднявшимся солнцем, поголубела, воздух над ней подернулся легким синеватым туманом; мягко и спокойно лежал у воды песчаный луговой берег.

Одновременно радостно и горько было глядеть на прекраснейшую из рек. Пароходы, выкрашенные в зелено-серую краску, закрытые вядшими ветвями, стояли у причалов; легкий дымок едва поднимался над трубами — они сдерживали свое шумное, живое дыхание, боясь быть замеченными врагом. Всюду к самому берегу тянутся окопы, блиндажи, противотанковые рвы. У некогда шумных переправ, где беспечно толпились люди, скрипели подводы, груженные арбузами и дынями, где шныряли мальчишки с удочками, теперь стоят зенитные пушки,

сдвоенные и счетверенные пулеметы, вырыты укрытия; замаскированные грузовики, рассредоточившись, ожидают очереди. Война подошла к Волге. Нигде так не звучала артиллерийская канонада, как здесь, над волжским простором. Звук артиллерийской стрельбы, не стесненный преградами, усиленный эхом, звучит здесь во всю полноту, могуче перекатываясь, поднимается от земли к небу и вновь опускается от неба к земле. Этот торжественный грохот напоминает людям о том, что война вступила в решающую полосу, что отступить дальше нельзя, что Волга — это главный рубеж нашей обороны.

По ночам старухи в волжских деревнях рассказывали одну и ту же сказку о пленном немецком генерале, который сказал захватившим его бойцам: «У меня приказ такой: возьмем Сталинград — дальше за Волгу пойдем. Не возьмем Сталинград — придется нам обратно за свою границу идти, не удержаться нам тогда в России». Это, конечно, сказка, но в этой сказке, как во всякой сказке, придуманной народом, больше правды, чем в другой были. И мысль о Волге и Сталинграде, о главной и решающей битве владеет всеми: стариками, женщинами, бойцами рабочих батальонов, танкистами, летчиками, артиллеристами.

В конце августа немцы напали на Сталинград с воздуха. Такой силы воздушного удара немцы не концентрировали ни разу за всю войну: противник произвел свыше тысячи самолетовылетов. Он обрушил свои удары на жилые кварталы, на прекрасные здания центральной части города, он бил по библиотекам, по детской больнице, по госпиталям, по школам и высшим учебным заведениям. Огромное зарево и клубы дыма поднялись над Сталинградом. Долгие часы один из прекраснейших городов Советского Союза, с домами, населенными женщинами, детьми, подвергался чудовищной бомбежке. Немцы, конечно, знали, что все заводы находятся на окраине города, но били они главным образом по центру. Мы не собираемся укорять их за это: поднявшим меч внятен лишь язык меча.

Во время воздушного налета противник вырвался к Волге севернее города. Колонна танков и следующие за танками грузовики с мотопехотой некоторое время непосредственно угрожали северной окраине Сталинграда в районе Тракторного завода. Удар врага отразили противотанковая часть подполковника Горелика и зенитчики

подполковника Германа. Вместе с ними сражались рабочие батальоны Тракторного завода и «Баррикад», нашлись среди рабочих прекрасные артиллеристы, танкисты, минометчики. Прямо из заводских ворот выезжали танки, выкатывали орудия, вывозились минометы на поле боя. В эту огненную ночь заводы продолжали работать среди рева разрывов, в бушевавшем вокруг пламени. Прекрасно спокойное мужество рабочих, инженеров, начальников заводских цехов. Много десятков тяжелых пушек и танков получила армия за два дня боев северо-западнее Сталинграда.

Навсегда войдет в историю этой войны имя веселого и пламенного капитана Саркисяна, первым встретившего тяжелыми минометами немецкие танки. Навсегда запомнится зенитная батарея лейтенанта Скакуна. Потеряв связь с командованием зенитного полка, она больше суток самостоятельно дралась с воздушным и наземным врагом. Ее атаковали с воздуха пикировщики, с земли — тяжелые танки противника. Земля и воздух, пламя и дым, чугунный грохот бомбовых разрывов, вой снарядов и пулеметных очередей смешались в единый хаос.

На батарее были девушки-зенитчицы: прибористки, дальномерщицы-стереоскопистки, разведчицы. Сутки дрались они рядом с товарищами артиллеристами. «Подавлены, накрыли», каждый раз думал командир полка, когда замолкали зенитки. И каждый раз снова слышалась четкая, размеренная пальба зенитных пушек. Сутки длился этот страшный бой. Лишь на следующий день вечером пришли с батареи уцелевшие четыре бойца и раненый командир. Они рассказали, что за время боя девушки ни разу не ушли в укрытия, а бывали минуты, когда нельзя было не уйти. И внезапный прорыв врага к городу был отбит. Положение упрочилось.

Так открылась первая страница эпопеи обороны Сталинграда, страница, написанная огнем и кровью, стойкостью войск, мужеством рабочих и любовью. Оборона Царицына и оборона Сталинграда. Кровопролитные бои снова идут в тех же местах, где красные войска обороняли Царицын. Снова в сводках называются деревни и хутора, известные по обороне Царицына, войска идут мимо поросших травой старых окопов, описанных историками гражданской войны; немало участников обороны красного Царицына — рабочих, партийных работников,

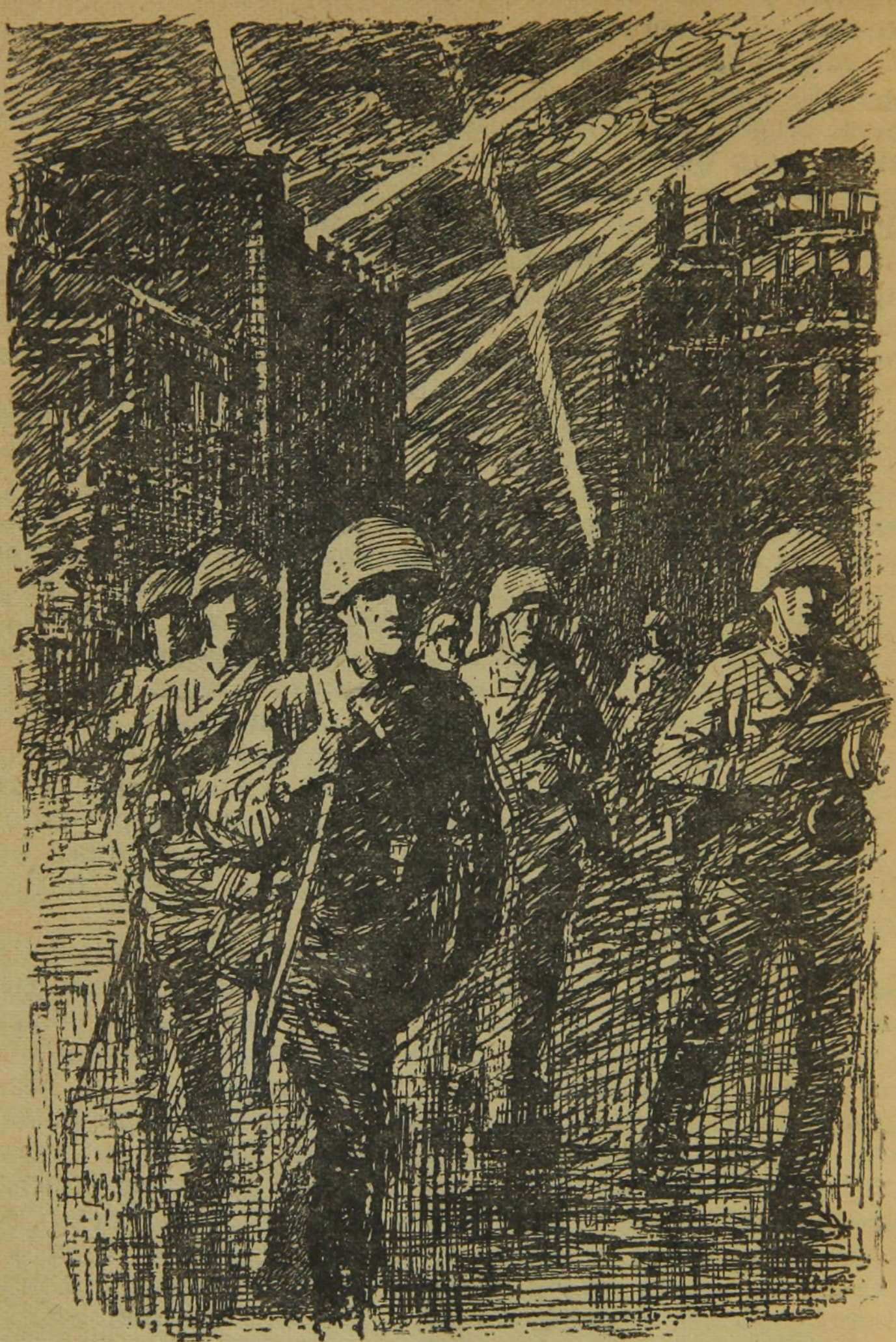

рыбаков, крестьян — добровольцами идут оборонять красный Сталинград.

Мы приехали в Сталинград вскоре после налета. Еще кое-где дымилась пожарища. Приехавший с нами товарищ, сталинградец, показывает нам свой сгоревший дом. «Вот здесь была детская, — говорит он, — здесь стояла моя библиотека; вон в том углу, где исковерканные трубы, я работал, тут стоял мой письменный стол». Из-под нагромождения кирпича видны изогнутые остовы детских кроватей. Стены дома горячи, как тело покойника, не успевшее остыть. Ясное, беспечное небо смотрит сквозь прогоревшую крышу. Над зданием детской больницы имени Ленина видна скульптура орла; одно крыло орла отбито осколком бомбы, второе простерто для полета. Стены и колоннада погибшего Дворца физкультуры покрыты копотью пожара, и на черно-бархатном фоне ослепительно выделяются две белые скульптуры нагих юношей. На окнах пустых домов дремлют холеные сибирские кошки, зеленые вазоны дышат свежим воздухом сквозь выбитые стекла. Мальчики собирают возле памятника Хользунова осколки бомб и зенитных снарядов. В тихий вечерний час печальна розовая красота заката, глядящего через сотни пустых оконных глазниц. Над многими зданиями прибиты мраморные мемориальные доски: «Здесь выступал в 1919 году Сталин», «Здесь помещался штаб обороны Царицына». В центральном сквере стоит каменная колонна с надписью: «Пролетариат красного Царицына — борцам за свободу, погибшим в 1919 году от рук врангелевских палачей».

Сталинград живет и будет жить. Нельзя сломить волю народа к свободе. Рабочие отряды расчищают улицы, дымят заводские трубы, а небо покрыто круглыми облачками зенитных разрывов. Люди сразу привыкли к войне. На паром, переправляющий к городу войска, то и дело налетают неприятельские истребители и бомбардировщики. Рокочут пулеметные очереди, бьют зенитки, а матросы, поглядывая на небо, едят сочные арбузные ломти; мальчишки, свесив с парома ноги, внимательно следят за поплавком своей удочки; пожилая женщина, сидя на скамеечке, вяжет чулок. Каждый день на фронт уходят новые рабочие отряды. Сталинград стал в строй пролетарских крепостей страны: Тулы, Ленинграда, Москвы. Эти крепости неприступны. Мы входим в подворотню разрушенного дома. Население дома обедает на столах,

Идет пехота, тяжело и грузно шагая по асфальту.

устроенных из досок и ящиков, дети дуют в миски с горячими щами. Один из военных товарищей поднимает с земли полуобгоревшую книгу. «Униженные и оскорбленные», читает он вслух, оглядывает сидящих на узлах женщин и вздыхает. Подошедшая школьница, поняв ход его мыслей, говорит сердито: «К нам это не относится: мы оскорбленные, но не униженные. Униженными мы никогда не будем».

Ночью мы ходим по улицам. В небе — гудение моторов, бесшумно сталкивается свет наших и немецких прожекторов. Торжественно выглядят прямые улицы, пустынные широкие площади. Позвякивают винтовки патрулей. Рокоча, движутся танки, танкисты внимательно осматривают улицы. Идет пехота, тяжело и грузно шагая по асфальту. Лица бойцов сосредоточенны и задумчивы. Наутро бой. Бой за Волгу, за Сталинград.

Вспоминается весь далекий путь: вновь ожившая, торжественная и тихая Ясная Поляна, пчелы на могиле Толстого, благородный и верный труд крестьянок на широких полях прифронтальной полосы, Красивая Меча при свете луны, старушечьи сказки о пленном немце, сказавшем: «Не возьмем Сталинград — не удержаться нам тогда в России», грохот артиллерийской канонады над Волгой, бронзовый летчик Хользунов, глядящий в небо, матросы на волжской переправе... Горько воевать на Волге! Но нет, не только об обороне нужно нам думать. Здесь, на Волге, должна решиться судьба великой войны за свободу. Пусть здесь опустится на врага выкованный в тяжких испытаниях меч победы.

А войска все идут, идут по темным улицам. Лица людей задумчивы. Эти люди будут достойны великого прошлого, революции, тех, кто пал, обороняя красный Царицын от белогвардейцев.

*Сталинград
5 сентября 1942 г.*

РОТА МОЛОДЫХ АВТОМАТЧИКОВ

Вечером лежали в степной балке и ругали старшину. Большинство автоматчиков разулись; покачивая головами, разглядывали покрасневшие, саднившие ступни. Болели шеи, натруженные ремнем автомата. Кое-кто решил постирать в мелком, разлившемся по дну балки ручье. Прозрачная вода становилась коричнево-мутной от грязных портянок. Потом портянки сохли на ветвях диких груш и вишен, а ребята ощупывали пальцы ног и вздыхали:

— Да, после такого марша надо бы ногам дать отдохнуть!

Лазарев, узкоплечий парень с давно не стриженными русыми волосами, мягко льнущими к впалым вискам и затылку, сердито говорил:

— Я старшину предупреждал насчет того, что ботинки мне тесны, а он говорит: разносятся. Вот и разносились: в кровь ноги разбил.

— Ему хорошо на кухне ехать, загорать, а мы степь ступней мерим, — сказал черноглазый, черноволосый горьковчанин Романов и, задрав разутую ногу, бережно подул на воспалившуюся, горячую кожу.

— Пыль, солнце и нет спасения, и конца ей нет и краю, — сказал Петренко. — То ли дело Украина — садки и садки!

Лазарев рассмеялся.

— Ты степь не ругай. Желдубаев обижается, когда степь ругают.

Казах Желдубаев — товарищ Лазарева. Они подружились во время учебы в резервной части, беседуя в тихий

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Волга — Сталинград	5
Рота молодых автоматчиков	12
Душа красноармейца	20
Сталинградская битва	28
Власов	38
Глазами Чехова	47
Направление главного удара	56
Новый день	68
Сталинградское войско	72